

Л
Ю
Б

ТАША МУЛЯР

ез дудлей

просто о непростом

В
Ь

Истории-перевертыши,
которые помогут
по-новому взглянуть
на жизненные трудности

Жизнь без дублей. Просто о непростом с Ташей Муляр

Таша Муляр

**Любовь без дублей. Истории-
перевертыши, которые
помогут по-новому взглянуть
на жизненные трудности**

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Муляр Т.

Любовь без дублей. Истории-перевертыши, которые помогут по-новому взглянуть на жизненные трудности / Т. Муляр — «Эксмо», 2023 — (Жизнь без дублей. Просто о непростом с Ташей Муляр)

ISBN 978-5-04-188094-1

«Любовь без дублей» — сборник рассказов, в которых обыденность оказывается непредсказуемой, за разочарованием всегда следует надежда, а большая любовь сваливается как снег на голову. Это маленькие истории о поиске счастья в огромном мире, о трудном выборе, о важности взаимопонимания и о людях, чьи переживания так по-человечески понятны. В ком-то из героев вы, возможно, найдете частичку себя, увидите свои проблемы со стороны и по-новому отнесетесь к ним. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-188094-1

© Муляр Т., 2023
© Эксмо, 2023

Содержание

Часть I	6
Перевертыш	6
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Таша Муляр
Любовь без дублей. Истории-
перевертыши, которые помогут по-
новому взглянуть на жизненные трудности

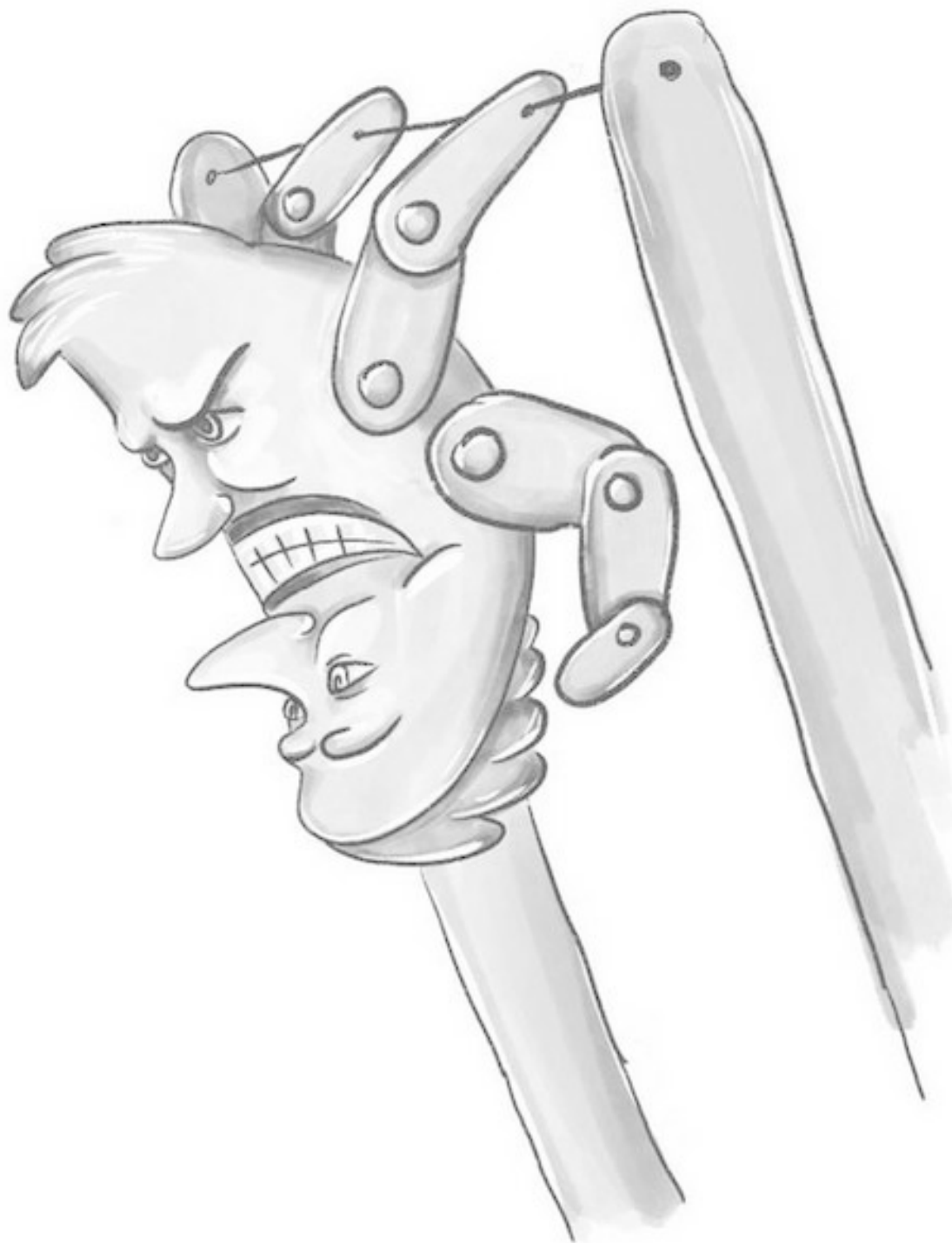
© Таша Муляр, текст, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Москва 2023

Часть I

Перевертыш

Перед глазами мелькали тёмные скользкие стены туннеля, пролетающие за окнами вагона. Непривычно было ощущать себя среди такого количества людей, в самом эпицентре дневной давки – на Кольцевой даже в обеденное время много пассажиров. За последние годы Виктор отвык от метро, которым пользовался в студенческие годы, – купив машину, позволял

себе шиковать. Сейчас с деньгами было туго, заказчик находился на другом конце города, и в целях экономии Виктор воспользовался подземкой.

Он ехал в метро с очередной провальной встречи. Покупатель не только отказался внести вторую часть оплаты за товар, но и затребовал назад ранее перечисленные деньги.

В метро можно ездить по-разному. Одни торопятся, ничего не видят вокруг, несутся сломя голову, расталкивая своих сотоварищей по утреннему метро-спринту всеми частями тела. Это особое искусство – умудриться прокатиться в московском метро в час пик. Спасайся кто может! Момент, когда всем резко понадобилось в одно и то же место в одно и то же время, причём каждому туда нужно больше других. Приоритетов нет, забыты все правила приличия, главное – ловко пропихнуться. Особенно тяжело девушкам на шпильках. Как они вообще умудряются выжить в этих экстремальных условиях да ещё сохранить в целостности причёску, колготки и сумочку? А потом, вынырнув из пасти подземного перехода, отряхнуться, чуть поправить волосы, протереть туфли от следов мастодонтов и поплыть по улицам Москвы в сторону ближайшей кофейни эдакой павой-лебедью, будто бы вышедшей из шикарного авто. Мастерницы, одним словом!

Другие же, как наш Виктор, например, едут неторопливо, будто без цели, хотя и вправду его цели на сегодня закончились. Ещё утро, а ехать уже никуда не нужно. Хотя нет, нужно – да некуда. Вот и накатывает круги по кольцевой, почём зря протирая вагонное кресло, обтянутое пессимистичным дерматином.

* * *

Витя родился в семье самых простых москвичей. Тут меня кто-то захочет поправить: мол, ага, «простых москвичей»! А Витя никак не влиял на место своего рождения, он родился сразу москвичом, и то, о чём некоторые мечтают и к чему стремятся, досталось ему изначально.

Почему москвичи так кичатся своим происхождением? А вот и не кичатся. Быть рождённым в Москве не хуже и не лучше, чем где-либо ещё. Тебе ничего с неба само по себе не падает, хотя многие так ошибочно думают.

Отец и мать Вити работали в одном НИИ: туда они пришли ещё совсем молодыми, после института, в котором и познакомились. Поженились, создали крепкую социальную ячейку, пусть не сразу, но родили сына. Про такую семью принято говорить «среднестатистическая». Ровненько так жили, работали, отдыхали, весь год копили по чуть-чуть. То мебель прикупят, то сыночка на море свозят. Всё как у всех – средненько и серенько, без фейерверков и шампанского. Жили по строго заведённому графику. Утром – на работу, вечером – домой, ужин под новости по телеку, потом спать. В выходные – на рынок, продукты – по полочкам, уборка, променады вдоль достопримечательностей района, уроки, отбой.

Были у них и тёплые семейные вечера, выкраиваемые из всей рутины бытия. Особенным событием было квашение капусты. В первую субботу октября, когда уже продают позднеспелую капусту, шли на рынок. Отец брал тележку – сумку на колёсах. Витя терпеть её не мог – какой-то позор с ней ходить, хотя везти назад пятнадцать килограммов капусты в ней было удобно, не поспоришь. Осенний рынок выглядел притихшим. Нет такого буйства красок и ароматов, как летом или весной. На всех рядах – морковь, лук, картошка, румяная свёкла, и, словно сбегавшие снеговики, висят крупные, почти белые капустные шары. Отец долго ходит, с чувством и толком похлопывает кочанчики – те радостно отзываются гулким уханьем изнутри, словно прося взять их с собой, – переговаривается с продавцами:

– Это «Слава» у вас?

– «Слава», «Слава», бери, хозяин, крепкая, отличная капуста получится.

– Да поди врёмь, что «Слава»! Откуда ты её привёз-то?

– Мы из Тамбова приехали, своё хозяйство у нас, вот, хочешь – попробуй, жена сама квасит и квашеную тоже продаёт!

К слову сказать, «Слава» была у всех – этот факт удивлял Витю, ставя под сомнение подлинность слов продавцов. Устав выбирать и напробовавшись, отец наконец определяется, и их заветные кочанчики укладываются в тележку. Потом брали толстенькую короткую морковь, обязательно с круглым кончиком. «Такая – самая сочная и сладкая!» – приговаривал отец, размещая морковь рядом с капустой. На самом верху гордо лежала пара килограммов «антоновки», самых ароматных яблок на свете!

Далее они гордо везли своё богатство домой, где под звук телевизора все вместе резали, мяли и укладывали в десятилитровые эмалированные вёдра пушистые белые перья, оживлённые всполохами натёртой моркови. На дно помещали яблоки – их очень любила мама: они за пару месяцев пропитаются рыжеватым капустным соком, станут восхитительно хрустящими и чуть газированными. Капусту плотно набивали в вёдра, сверху мама выкладывала белое холщовое полотенце, накрывала тарелкой, вокруг которой через пару дней образовывалась рыжая морковная пена. Когда она умиралась и появлялся прозрачный терпкий сок, можно было пробовать. Вёдра с капустой ставили зреть на балкон, там они и оставались даже в мороз. Здорово было вынырнуть в холод на балкон, впуская в комнату облако морозного воздуха, и набрать себе миску хрустящих витаминов.

Средний Витя средне учился в средней школе, самой обычной, районной. По правде сказать, это был старый район Москвы, застроенный и перестроенный в начале шестидесятых годов. В округе стояли блочные девяти- и двенадцатизэтажки, многие из них были кооперативными. Кухня пять метров и две комнаты, девять и пятнадцать – предел мечтаний родителей, вступивших в кооператив и долгие годы гасивших взносы с каждой зарплаты.

Было ли некомфортно маленькому Витеньке в его мире? Нет. Он просто не знал другого. Как и все мальчишки, учился, гонял в футбол, прогуливал уроки, мечтал о велике, перепробовал массу кружков и, в отличие от остальных, нашёл один, который пришёлся по душе. Примерно в шестом классе мальчик не на шутку увлёкся резьбой по дереву – с учителем повезло.

* * *

После пятого круга воспоминаний под шум подземки Витя решил наконец покинуть Кольцевую ветку метро и следовать в сторону дома. Они привезли партию кофе для крупной сети кофеен. Но после дефолта в кофейнях упали продажи, товар завис, и заказчики решили расплачиваться по факту реализации. Вместо того чтобы доплатить за партию привезённого специально для них кофе, милостиво разрешили оставить её у себя на хранение, затребовав предоплату назад.

Очередная Лена ждала его только к ужину и только с хорошими вестями, которых опять не было.

Ему почему-то хронически попадались девушки с этим именем. Знакомясь с новой претенденткой на звание жены, он уже знал, как её зовут, – Лена. Была даже мысль не начинать отношения, если имя сбудется. Да, с Ленами-Еленами не везло.

Ему было уже почти двадцать восемь лет; постоянной работы нет, семьи нет, и света в конце этого бесконечного жизненного туннеля тоже нет. На дворе стоял 1998 год, в городе и мире после очередного дефолта было, с точки зрения многих, тревожно и бесперспективно. Рублёвые накопления его родителей и многих друзей попросту обесценились. В течение нескольких месяцев курс рубля к доллару обвалился в три раза, инфляция взлетела до небес. А время «чёрного августа» запомнится на всю жизнь тем, кто всю эту самую жизнь копил и откладывал на чёрный день – который, собственно, и настал.

* * *

Перейдя в старшую школу, Витя начал кое-что понимать. В их девятый класс пришли новенькие. Они переехали в только что построенный современный дом из другого района Москвы. Их было несколько человек, и все отличались от обычных Витиных одноклассников. Какой-то особый лоск в них был. Родители новичков не вылезали из заграничных командировок, привозили им какие-то непривычные вещи, а сами ребята ходили на дополнительные курсы, занимались с репетиторами, хорошо знали английский, легко пропускали уроки и дерзили учителям. Они сразу сбились в кучку и к себе никого не принимали – получилась эдакая местная школьная элита. Все девчонки сразу захотели с ними дружить, а ребята стали друг перед другом красоваться и выпендриваться, борясь за внимание элитной группы. У них водились деньги, они постоянно чем-то менялись, что-то доставали, перепродавали импортные сигареты, модные пластинки. Витю они к себе не принимали – он, по мнению лидера этой самой группы, был слишком сер и никчёмен.

В этот тяжёлый период он спасался своим увлечением, хотя в классе никто этого не понимал и многие смеялись. После уроков он шёл не домой, а к Павлу Петровичу в школьный полуподвал. Там находилась столярная мастерская, где проходили уроки труда у средней школы. Здание было старым, построенным в пятидесятом году – красный кирпичный фасад и белые колонны. Спускаешься по трём стёртым ступенькам, а под ногами нет-нет да и попадётся весёлый хрустящий завиток стружки. Влетаешь в класс, а там словно папа Карло трудится над своим Буратино.

Когда Витя в первый раз взял в руки перочинный ножик и под руководством Павла Петровича дотронулся до дерева, произошла магия – он так увлёкся процессом, что не заметил, как пролетел урок. В его руках обычный кусок дерева постепенно, от урока к уроку, превращался в игривого котёнка. Каждый из ребят вырезал своего персонажа. Витя всегда хотел котёнка, а родители не разрешали. С помощью учителя он буквально за несколько уроков вырезал своими руками настолько натурального котёнка, что все в классе восхитились, просили посмотреть, спрашивали, как у него это получилось, какие инструменты он использовал. Впервые он понял, какое это счастье, когда у тебя что-то получается хорошо, сколько радости и удовлетворения от работы ты испытываешь, как это – из ничего сделать что-то, нужное другим.

– Молодец, Витя! Да у тебя способности к нашему делу. Вот будешь приходить регулярно – руку поставим, технику отработаем, и ты сможешь сам придумывать модели и создавать свои авторские вещи, – похвалил Павел Петрович.

Так он начиная с четвёртого класса и пропадал в столярной мастерской, ставшей его отдушиной. Буквально через год его работы стали отправлять на конкурсы, он начал занимать первые места на выставках декоративно-прикладного искусства среди ребят своего возраста.

К седьмому классу он уже достиг такого мастерства, что сам стал придумывать не только модели, но и сложные сборные конструкции. Делал механические игрушки и головоломки. Летом на каникулах ему случайно попала в домашней библиотеке толстенная книга Виктора Гюго «Человек, который смеётся». Начал читать от скуки – вначале показалось, что очень занудно и затянута, но потом увлёкся невероятной по нашим временам историей. Про мальчика с изуродованным лицом, Гуинплена, и его светлую любовь к маленькой, хрупкой и слепой Дее, которая не могла увидеть своего возлюбленного, узнать о его уродстве, поэтому считала его самым красивым на свете. Удивительно, как они могли быть счастливы, живя в таком ужасном и полном несправедливостей мире. Витю поразила история перевернутой жизни Гуинплена: он оказался сыном титулованных родителей, вернувшим свой титул, но

потерявшим при этом свою любовь и ту жизнь, которая читателю казалась невыносимой, а для главного героя была подлинно счастливой.

Находясь под впечатлением от книги, он придумал и вырезал новую игрушку – Перевертыша. На двух параллельных деревянных палочках двигалась вверх и вниз маленькая фигурка человечка. У него было два лица: одно – с леденящей гримасой вырезанной на лице улыбки, как у Гуинплена, второе – с улыбкой, наполненной счастьем и смыслом, с радостными глазами.

Чтобы привести в движение фигурку, нужно было легонько свести палочки вместе, приближая их друг к другу, – тогда человечек начинал выполнять акробатическое сальто на руках, переворачиваясь и поднимаясь по палочкам снизу вверх. Начинал он свой путь с гримасой ужаса, а заканчивал всегда с лицом, озарённым улыбкой и обращённым на того, кто им управляет. Сможет ли человечек подняться и улыбнуться, полностью зависело от ловкости и сосредоточенности кукловода. Нужно было приноровиться, выбрать точную степень нажатия и сближения палочек, иначе фигурка, не успев дойти до вершины своего пути, резко падала вниз. Эта игрушка заняла призовое место на региональном конкурсе декоративно-прикладного искусства среди школьников средних классов.

– Ты огромный молодец, Витя, – похвалил его Павел Петрович после конкурса. – У тебя большое будущее в этой профессии, ты чувствуешь дерево и имеешь пространственное мышление, думаешь как конструктор, обладаешь добрым сердцем. Не бросай резьбу, ты сделаешь многих людей счастливыми.

– Но это же не профессия! Куда ты пойдёшь и кому нужны твои фигурки?! Будешь поступать в технический вуз и станешь инженером! – Отец был категоричен.

Петрович же, как его между собой звали ребята, за эти годы успел стать для Вити очень близким и авторитетным человеком. Но к окончанию школы Витя всё реже приходил к нему в мастерскую.

– Простите меня, Павел Петрович, но мне в институт нужно поступать, готовиться, отец ругает очень, говорит, что мы тут ерундой занимаемся.

И он поступил в МЭИ – вуз с историей и традициями. Тут тоже было разделение студентов на «крутых» и попроще – даже более жёсткое, чем в школе. В их группе были ребята и девочки, которые почти не учились: всё время проводили за общественной работой, подготовкой студенческих мероприятий, занимались организацией смен и работ в летнем лагере МЭИ в Алуште. Оценки им ставили зачастую автоматом, с учётом заслуг перед вузом. Среди них было много тех, кто поступил по благу и изначально не собирался учиться, их карьера была распланирована родителями.

Были и такие, как Витя. Поступил сам, с трудом, едва набрав проходной балл – не технический склад ума у него был. Родители никак не могли влиять на учебный процесс – добивайся всего сам.

* * *

Он почти дошёл до дома очередной своей Лены. Да, он ещё и жил у девушки. Это было совсем неправильно, но с его вложениями в бизнес снимать квартиру он не мог. Она предложила съехаться, а он, тряпка, согласился. Теперь как бы зависел от неё. Отношения были более чем неровные, и каждый раз, когда у него опять не было денег – не расплатился клиент или сорвалась сделка, – она упрекала его не просто рублём, а ещё жильём и едой. Нужно было уходить, но к родителям он возвращаться не хотел, а самому снимать... В общем, понимаете.

Витя из-за дефолта пострадал по-крупному. Они с партнёром только в июне заказали новую партию товара из Германии, расплатились валютой, которую заняли на полгода. После «чёрного августа» их долг вырос в разы. Это была не просто тупиковая ситуация – это была

катастрофа. Зарабатывали они в рублях, покупательский спрос упал, товар завис, а долг нужно было возвращать.

* * *

К окончанию института Витя научился понемногу крутиться. Нужно было зарабатывать. Мать и отец в условиях перестройки практически перестали получать зарплату в своём НИИ. Точнее сказать, на то, во что превратилась их зарплата, можно было жить не месяц, а от силы три дня. Денег в семье не хватало катастрофически. Как-то раз он застал родителей за выгребанием мелочи из копилки, чтобы купить хлеба и дотянуть до следующей зарплаты. При этом на сберкнижке были накопления, но отец категорически не разрешил к ним притрагиваться.

Многие однокурсники уже работали. Были те, кто организовывал небольшой бизнес или устроился на работу к своим успешным родителям. Отрыв таких ребят от других был колоссальным. У них были имотки, машины, девушки, вечера в клубах, которые множилось в Москве, как грибы. Если в школе социального разделения Витя почти не ощущал, то сейчас оно было налицо. И он был внизу этой общественной пирамиды.

Тогда-то он и познакомился с первой Леной. Учились вместе на одном факультете – он уже почти заканчивал, а она только поступила. Скромная девушка, разговорились в столовой. Мест не было, и она присела за его столик. Слово за слово, он сам себе удивился – не оробел, а заговорил, и как-то хорошо разговор сложился. Он потом её проводил. Через месяц встреч переехал к ней. У неё была своя комната в бабушкиной квартире. Бабушка Лены жила на даче почти круглый год, и они, по сути, были в этой квартире одни.

В совместной жизни мужчина должен быть добытчиком. Особенно тяжело парням в конфетно-букетный период. Витя подрабатывал где мог: ездил курьером для факультета, помогал разгружать товар в соседнем магазине, устроился сторожем в поликлинику. Но большие усилия приносили маленькие деньги.

При всей скромности, Лена хотела подарков не хуже, чем у её подруг, походов в рестораны, ночные клубы и казино. Витя понял, что не тянет. Прожили вместе четыре месяца, и он вернулся к родителям. Точнее, она его выгнала. Эта история наложила отпечаток на всю дальнейшую жизнь. Он очень хорошо помнил тот её обвинительно-обличительный тон, когда она кричала, что он ничтожество, ничего из себя не представляет, что он неудачник и им останется... Помнил и своё возвращение к родителям, которым тоже было не на что жить, и своё обещание окончить институт.

Без девушки с материальной стороны Вите стало легче, а вот с моральной...

Иногда, в редкие выходные, Витя выбирался в центр родного города. В девяностые только в центре Москва была более-менее ухоженной. На окраинах ужасно работали коммунальные службы, царил хаос во всех сферах градостроительства, не до уборки и красоты было властям. В центре же гремели рестораны, сияли вывесками казино, к ним подъезжали шикарные автомобили, оттуда выпархивали волшебные девушки и падали в объятия крутых мужиков.

«Кто эти люди? – думал Витя. – Как заработать? Что нужно делать, чтобы подняться до их уровня?» Витин мозг буквально кипел от нерешаемости этой задачи.

Вечерами он сидел в своей девятиметровой комнате, вырезал из дерева очередную птичку или мышку, размышлял и не видел выхода. С его инженерным образованием по специальности идти было совершенно некуда. Вокруг требовались курьеры и продавцы. Зарплаты мизерные. Тут бы концы с концами свести, а хотелось большего.

В начале девяностых рынок был абсолютно не насыщен. Кругом царствовал тотальный дефицит и зарождалось предпринимательство – так это теперь называлось, хоть всю жизнь

это было не более чем спекуляцией и преследовалось по закону. Появилась масса «челноков», как правило, ими становились женщины – мужики в это непростое время пребывали в состоянии некоторой рассеянности. Однако семьи нужно было кормить, и женщины, подставив плечо, найдя друг друга на бесчисленных, ставших стихийными рынках, объединились. Ездили, летали, привозили, продавали – и уезжали за новой партией. На товар накручивали 200–300 процентов и перепродавали его по всей стране. Это был прибыльный, но очень тяжёлый и рискованный бизнес. До сих пор преклоняюсь перед женщинами, которые им занимались.

В 1992 году отменили ценообразование на продукты, что породило новую волну посредников. Они пошли другим путём. Посредник находил выход на руководство магазина, выяснял, какого товара там не хватает, связывался с поставщиком за границей, находил ещё магазины с такой же потребностью, брал с них предоплату, размещал заказ у поставщика, используя полученные средства для аванса. Потом получал товар, отгружал магазину и забирал вторую часть оплаты. Таким образом, удавалось зарабатывать, не имея начального капитала.

* * *

Виктор зашёл в магазин рядом с домом Лены. Это был новый модный супермаркет с никому не ясным названием – «ЛМ-сервис». Может быть, это были инициалы владельцев? История умалчивала. Хозяевами были два предприимчивых парня, они выкупили часть бывшего ателье и разместили там продовольственный магазин. Завезли большой ассортимент импортных баночек и упаковок. Все полки были уставлены консервированными сосисками, анчоусами, маслинами, экзотическими маслами, сырами и многими другими товарами, названия которых ни о чём не говорили местным жителям. Весь район ходил туда как на экскурсию, покупая по чуть-чуть чего-нибудь на пробу. Лена любила заходить в этот магазин, ощущая там принадлежность к чему-то более высокому, чем окружающая действительность. Виктор хотел купить ей что-то к чаю, выбрал испанский апельсиновый джем в маленькой, почти игрушечной баночке, которая стоила как килограмм хорошей говяжьей вырезки. Купил, надо сказать, на последние деньги. Он так рассчитывал на доход от этой сделки, уже всё было обговорено. А тут опять такой облом...

Как правило, знаковые встречи и изменения в нашей жизни происходят тогда, когда ты ждёшь этого меньше всего.

Редко бывает так, что ты такой весь готовый, напомаженный, в костюме идёшь и знаешь: вот оно, сейчас случится! Мы ждём, ищем, надеемся, набиваем шишки, приобретаем опыт и хорошо ещё, если делаем выводы.

* * *

На последнем курсе и после института Витя хватался за любую возможность заработать, но всё было не то. С места он не сдвигался, капиталами не обростал. Его копейки добавлялись к родительским, и их еле хватало на продукты.

Как-то утром он выскочил из подъезда, уже опаздывал на очередную подработку. Была зима, дворы почти не чистили. Возле дома стояла машина, вокруг неё бегал новый сосед с их лестничной площадки – он буквально пару недель назад снял квартиру и недавно заходил узнать телефон ЖЭКа. Машина плотно застряла в сугробе и буксовала, извергая из-под колёс фонтаны снега почище снегоуборщика.

– Брат, подсоби, толкани машину, не справлюсь никак! – крикнул сосед проходившему мимо Вите.

Вечером того же дня Виктор зашёл к Роме – так звали соседа – домой. Посидели за чашечкой чего покрепче, пообщались – так и началась их дружба, а потом и совместный бизнес.

Роман был старше на десять лет. Приехал в Москву из Вильнюса, где у его родителей ещё в советские времена были налажены связи по поставкам продуктов в местные лавочки. Оттуда и опыт. Рома быстро встроился в новую систему рыночных отношений и уже успешно привозил и реализовывал партии кофе и бакалеи из Германии. Хотел расширяться. Поскольку сам в Москве недавно, мало кого знал, а помощник нужен, предложил Вите попробовать работать вместе.

– Только давай сразу договоримся: никаких «нет» я слышать не хочу. Работаем вместе, делаем каждый всё, что нужно для общего дела.

* * *

Виктор открыл квартиру своими ключами, не хотел звонить – вдруг Лена занята, а он помешает. Она уже несколько месяцев не работала. Сидела дома, преимущественно болтала с подругами или проходила очередную часть «Принца Персии» на компьютере. В такие моменты её лучше было вообще не трогать – она была там, в виртуальном мире. Убираться в маленькой квартирке хозяйке тоже было недосуг, поэтому везде лежали какие-то коробки, висели вещи прошлого сезона, ожидавшие смены времени года, чтобы снова стать актуальными.

Витя разделся и тихо прошёл на крошечную кухню. Из второй комнаты, гордо именуемой «залом», слышался голос Лены, она громко говорила с кем-то по телефону и не слышала, как Витя вошёл.

– Да, опять с утра уехал. Обещал сегодня денег привезти, так что завтра сможем поехать. Да, и не говори, надоел мне уже. Толку никакого от него нет. Вот у других мужики как мужики, а этот только деревяшки свои никому не нужные строгать может, недоделанный.

Витя не слышал, что отвечал Лене невидимый собеседник, а она продолжала:

– Сколько раз говорила ему: пойди устройся на нормальную работу, а он вцепился в этого Ромку бесполезного, такого же неудачника, и держится за него, оба на дно идут. Думаю, что хватит с меня, нужно завязывать с этим идиотом.

Лена с увлечением объясняла кому-то всю его, Витину, никчёмность и ненужность в её жизни и в этом доме.

Он аккуратно достал из кармана баночку с апельсиновым джемом, поставил её на кухонный стол, освободив место среди грязных чашек с засохшим чаем и невымытых тарелок, зашёл в соседнюю комнату, служившую им спальней и его мастерской, где иногда вечерами он отдавался своей страсти – резьбе по дереву, сложил в чемоданчик свои нехитрые стамески и ножички, пару новых заготовок, книгу по резьбе, подаренную ему ещё в школе Павлом Петровичем. Пока собирал свои немногочисленные вещи, попала под руку игрушка со школьного конкурса – «Перевертыш». Он сблизил палочки, и фигурка человечка послушно заскользила вверх, сменялись эмоции на его маленьком сморщенном личике. Достигнув вершины, он задорно глянул на Витю вырезанной им же когда-то давно улыбкой, словно подмигивая и говоря: «Держись, всё будет!» Вот бы и в жизни так было: перекувыркнулся – и всё по-другому, всё так, как ты хотел.

Витя шагнул в прихожую, надел пальто и тихонько вышел, притворив за собой дверь. Точка. Опять придётся возвращаться к родителям.

* * *

Виктор удачно влился в новый бизнес Романа. Они хорошо поладили, словно нашли друг друга на дороге судьбы. Витя был ведомым, а Рома – неплохим руководителем. Первые полгода прилаживались, один выполнял поручения другого, целыми днями оба носились по всей Москве, договаривались, доставляли товар, получали деньги, заключали новые сделки.

В конце первого месяца Роман рассчитался со своим новым сотрудником. Это были невероятные для Вити деньги! Он сразу закрыл все долги родителей за коммуналку и перед друзьями, у которых те занимали, и ещё осталось на вполне себе приличное существование в текущем месяце. Родители, кстати, не столько обрадовались, сколько перепугались: это откуда же сын столько денег принёс? Успокоились, когда про соседа рассказал и про новую работу – снабжение магазинов. Отец одобрил. Очень уж они переживали, что в это непонятное время он свяжется с теми, с кем не нужно, и окажется там, где не следует.

Ближайшие годы, наверное, где-то до начала двухтысячных, всё у них с Романом складывалось удачно. Нет, конечно, как и в любом бизнесе, были взлёты, а были и падения, но в общем друзья выдохнули. Витя даже купил себе машину – пусть не новый, но «мерседес». Снял квартиру на Чистых прудах в Архангельском переулке, съехав, наконец, от родителей, начал одеваться в престижных магазинах – хорошая обувь, костюм. Вот только резьбу свою забросил. Не было ни вдохновения, ни желания, да и времени не хватало на баловство это несерьёзное. Инструменты так и лежали в квартире родителей, ждали своего часа.

У ребят появился офис, ассортимент рос, количество клиентов увеличивалось. Не подумайте, что всё было так гладко. Выживали сильнейшие и те, кто мог наступать на свою совесть. Иногда нужно было где-то и силу применить, и хитрость, и даже обман. Вот тут-то они и расходились во мнении. Роман, как правило, принимал решения самостоятельно, не советуясь со своим тогда уже партнёром. Витя же, напротив, когда задним числом узнавал, как достался им тот или иной заказ, почему уволили очередного менеджера или сменили поставщика, понимал, что рано или поздно за это придётся платить – иначе быть не может.

В какой-то момент у них «снесло крышу» от успеха и денег. Виктор получал удовольствие от того, что можно было за всё платить, не заботясь о средствах. Наконец-то он приблизился к тем крутым парням, которыми восхищался в юности. Уже стал подумывать, что ещё пару лет – и сможет купить собственную квартиру.

Женщины... А что с женщинами? Вокруг него стали роиться девушки. Он вдруг стал востребован и интересен. Получив до этого отрицательный опыт с Ленами, Витя был настроен. Не верил. Знакомился скорее для редких и красивых встреч – такую формулировку отношений использовали в газетных объявлениях тех времён, – но жить ни с кем не начинал. Отшучивался, что занят очень, не до серьёзных отношений. Даже позволял себе встречаться одновременно с несколькими дамами.

Город манил к себе. Дорогие машины, рестораны на каждом углу, шикарные женщины. Светящиеся казино, в которые друзья по новой традиции ходили каждую пятницу. Это было как на лифте прокатиться и попасть в другой мир – туда, где тебя как бы ещё не знают и куда ты не входишь, но возникает полное ощущение, что ты причастен. Как наркотик принадлежности к высшему обществу – и неважно, какой ценой это достаётся.

Блеск и нищета столицы в полной мере воплотились в самых известных казино. Туда приходили поиграть с фортуной, блеснуть друг перед другом улыбкой удачи и попытаться счастья люди с разным достатком. Казино «Голден Палас» действительно выглядело как дворец: здание всё светилось и переливалось огнями, словно в голливудских фильмах. Вы знаете, что в казино не бывает окон? Это сделано для того, чтобы игроки не ощущали ход времени. В этом заведении всё было устроено для максимального комфорта играющих. Шикарный инте-

рьер, залитые светом залы устланы богатыми коврами. На входе тебя встречает швейцар, покупаешь фишки, проходишь через охрану и попадаешь в другое измерение, словно выпадаешь из времени и реальности.

Вначале тебя поджидает ряд «одноруких бандитов» – игровые автоматы. Они для особых игроков – тех, кто хочет размяться либо примеряется к игре, пришёл в первый раз и не знает, с чего начать. Хотя есть и те, кто именно из-за автоматов приходит. На каждом автомате висит инструкция, всё просто. Клади деньги и крути барабан, нажимай на кнопку, пилик-пилик – и она, выигрши! Получите и распишитесь!

Дальше – огромный зал со столами для покера и штук восемь рулеток. Рулетки, как правило, оккупируют плотно, сидят вокруг стола, общаются, наблюдают, лениво делают ставки, перекидываясь словцом и потягивая горячительные напитки. Что касается напитков и еды – это всё бесплатно для игроков. Подзываешь официанта – они стоят наготове, только моргни – и заказываешь всё, что хочешь. Начиная от блинов и заканчивая чёрной икрой. Не выиграешь – так хоть поешь. Любые спиртные напитки, чай, кофе, сладости. А можно самим пройти к накрытым столам и выбрать себе закуски.

Официанты вместе с крупье начеку: когда видят, что человек входит в азарт, один начинает активнее спиртное и сигареты носить, второй – внимательнее следит за гостем, охрана за спинами играющих тоже наготове. Бывает, что кто-то крупно выигрывает и сразу уходит – это казино не нравится, таких проверяет служба безопасности. А если кто проигрывается, то, бывает, срывы у людей случаются, в обмороки падают, напиваются и дебоширят – глаз да глаз нужен. Персонал не расслабляется: обстановка такая, знаете, вроде праздник у всех, а на этом празднике все работают. На втором этаже тише. Там ресторан и сцена. Круглосуточно артисты популярные выступают. Казино анонсы даёт, привлекает зрителей на концерт, а там – и за игру.

Роман играл так, что не мог остановиться. Это было опасно в первую очередь для их бизнеса. Витя понимал ситуацию и старался ходить с ним не столько играть, сколько контролировать компаньона. Он сам не пил практически: не то чтобы не хотел, но ему повезло – организм не дружил со спиртным, поэтому удавалось сохранять трезвый ум. Пока Роман играл, Витя знакомился с девушками. Чаще всего они тоже оказывались там на работе, но были и те, что пришли отдохнуть, поиграть и познакомиться. Вот только явно не то место он выбрал для поиска своей второй половины.

Они были все какие-то искусственные, не имеющие индивидуальности, что ли, похожие друг на друга. Виктор не интересовал их как человек, отношения выстраивались односторонние – как игра в одни ворота, когда один старается, а другой только потребляет.

Теперь, с высоты приобретённого жизненного опыта, он по-другому воспринимал отношения отца и матери. То, что раньше ему казалось обыденным, привычным и скучным, на деле было очень редким и ценным – родители действительно любили, ценили и уважали друг друга. Он хотел такие же отношения, но понимал, что найти их дано не каждому. Ему с этим не везло.

В конце 90-х в Москве расплодилось огромное количество продовольственных палаток, рынков, стихийных торговых точек у метро, открылось множество мелких частных супермаркетов. Роман с Виктором бойко снабжали эту систему товарами первой необходимости, зарабатывая свой нелёгкий и не всегда честный хлеб. Продукты портились, поставки срывались, кредиты уходили в просрочку, сотрудникам задерживали зарплату. Балансируя на грани рентабельности и влезая во всё большие долги, Роман ощущал себя крупным бизнесменом, сорил деньгами направо и налево, а Виктор, доверяя партнёру и занимаясь логистикой, а не финансами, верил, что всё у них хорошо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.